

Н о в е л л ы

Карела Чапека

Перевод С. АЛЕКСАНДРОВСКОГО

Кража документа

В три часа ночи в военной комендатуре затрещал телефон: — Говорит полковник генерального штаба Гампль. Пошлите ко мне сейчас же двух человек из военной полиции. Да передайте подполковнику Врзалу... ну да, тому, что в осведомительном отделении... помолчите, до этого вам нет никакого дела... чтобы сейчас же пришел ко мне. Да, сейчас, ночью. Да, пусть возьмет машину. И пошевеливайтесь, чорт возьми!

Через час подполковник Врзал прибыл на место. Это было где-то у чорта на куличках, в квартале загородных вилл. Встретил его пожилой, страшно озабоченный господин в штатской одежде, точнее говоря — в штатских брюках и ночной рубашке.

— Подполковник, со мной случилась какая-то чертовщина. Садись, дружище. Да, чертовская история, свинская, идиотская, поганая, отвратная. Будь он проклят, подлюга! Представь себе только: позавчера дает мне начальник генерального штаба один документ и говорит: «Гампль, обработай это дома; чем меньше народу будет знать об этом, тем лучше. В канцелярии ни гу-гу; ну, и кругом марш! Даю тебе отпуск и сиди дома, но будь осторожен!» Хорошо...

— А что это был за документ? — заинтересовался подполковник Врзал.

Полковник Гампль на мгновение замаялся.

— Ну, — произнес он наконец, — ты, конечно, должен знать. Документ из отделения «В».

— Ага! — кивнул подполковник Врзал и стал чрезвычайно серьезен. — Что же дальше?

— Видишь ли, — продолжал растерянно полковник, — вчера я целый день работал над этим документом. Но что

мне делать с ним, чорт бы его побрал, ночью? Положить просто в стол не годится; несгораемого шкафа у меня нет; а если бы кто узнал, что этот документ у меня, так и мне и документу был бы конец. На первую ночь я его спрятал в постель, под матрас, но к утру он был измят, словно на нем вывалялся боров.

— Представляю себе, — пробурчал подполковник Врзал.

— Что ты хочешь, — вздохнул полковник, — моя жена еще толще меня. На вторую ночь жена мне посоветовала: «Знаешь что, положи его в жестяную банку из-под макарон и спрячь на ночь в кладовую. Кладовку я запираю на ключ, а ключ беру к себе», — говорит жена... У нас, знаешь ли, ужасно толстая служанка, которая норовит все слопать... «Там его никто не станет искать, не так ли»? Ну, хорошо, это мне понравилось...

— У вас в кладовке двойное окно или ординарное? — прервал его подполковник Врзал.

— Гром и молния! — подскочил полковник. — Об этом я и не подумал! Ординарное окно! Я все время думал о Сазавском случае и других таких же глупостях, но забыл осмотреть окно! Будь оно проклято!

— Дальше что? — вернул его подполковник к делу.

— Ну, что там «дальше»... Ночью в два часа слышит жена, что служанка внизу визжит. Она пошла узнать, в чем дело, а Мария знай только визжит: «В кладовке вор!» Жена прибежала за ключом и за мной, я лечу с постели прямо в кладовку и, будь оно проклято, окно в кладовке... того... выбито, и банка с документом — фьють! Вор тоже... фьють! Вот и все, — перевел дух полковник.

Подполковник Врзал барабанил пальцами по столу.

— А скажите, полковник, знал кто-нибудь о том, что этот документ у вас дома?

Несчастный полковник развел руками.

— Не знаю, дружище. Эти сволочи шпионы все могут выведать... — Но тут он вспомнил о специальности подполковника Врзала и очень смутился. — То есть они, конечно, очень умный народ, — неуклюже исправлял он свой промах, — но я никому не говорил о документе, честное слово. А потом, — торжествующе добавил он, — никто ведь не мог знать, что я его положил в жестянку от макарон.

— А где вы его клали в эту жестянку? — как бы мимоходом спросил подполковник.

— Здесь, у этого стола.

— А где стояла в это время жестянка?

— Погодите, — припоминал полковник, — я сидел вот здесь, а жестянка стояла передо мной.

Подполковник оперся о стол и мечтательно глядел в окно. В седом свете раннего утра напротив вырисовывалась серая с красным вилла.

— Скажите, кто там живет? — уныло произнес подполковник.

Полковник хватил кулаком по столу.

— Чорт побери! Об этом я и не подумал! Постой, там живет какой-то еврей, директор банка или что-то вроде этого. Чертовская история! Теперь я начинаю понимать! Врзал, мне кажется, что я напал на след!

— Я хотел бы видеть вашу кладовку, — уклончиво отозвался подполковник.

— Пожалуйста! Сюда, сюда, — подобоострастно вел полковник Врзала, — вот тут. На этой вот самой высокой полке и стояла коробка. Мария, — заорал полковник, — вы здесь чего?! Ступайте на чердак или в погреб!

Подполковник надел перчатки и подтянулся на руках к довольно высокому окну.

— Высажено долотом, — сказал он, осматривая окно, — рама, понятно, из мягкого дерева. Ее мог расковырять любой мальчишка.

— Чертовская история, — качал головой полковник, — будь они прокляты, как можно делать такие окна?

Снаружи у решетки сада стояли два солдата.

— Военная полиция? — спросил подполковник Врзал. — Хорошо. Я взгляну еще снаружи. Я должен тебе посоветовать, чтобы ты до получения приказания не выходил из дома...

— Понятно, понятно, — согласился полковник, — а почему, собственно говоря?

— Чтобы быть в готовности в случае, если бы... Эти два солдата, конечно, останутся здесь.

Полковник засопел и что-то проглотил.

— Понимаю. Не хочешь ли кофе? Жена приготовит.

— Сейчас не время, — сухо ответил подполковник. — Об украденном документе, понятно, никому не говори; разве только... когда тебя вызовут. И еще одно: служанке скажи, что вор украл только консервы. Вот и все.

— Но послушай, — в отчаянии воскликнул полковник, — ты ведь найдешь этот документ? Да?

— Постараюсь, — отозвался подполковник и, согласно уставу воинской службы, щелкнул каблукми.

В это утро полковник Гампль сидел согбенный, как олицетворение горя. Он то рисовал себе, как приходят два офицера арестовать его, то старался вообразить, что сейчас делает подполковник Врзал и как он приводит в движение весь огромный тайный аппарат военно-осведомительной службы. Он представил себе переполох в генеральном штабе и застонал.

— Карлуша, — уже в двадцатый раз говорила ему жена (она давно из предосторожности спрятала его служебный револьвер в чемодан служанки), — не съешь ли ты чего-нибудь?

— Оставь меня в покое! — огрызнулся полковник, — я думаю, что этот банкир напротив все видел.

Жена только вздыхала и шла плакать на кухню.

Вдруг раздался звонок. Полковник встал и выпрямился, чтобы по-военному встретить офицеров, которые придут арестовать его («Кого могут послать?» — раздумывал он). Но вместо офицеров вошел рыжий человек в черном котелке и ласково оскалил на полковника свои беличьи зубы:

— Простите, я Пиштора из полицейского участка.

— Что вам нужно? — буркнул полковник и незаметно переменял позу «смирно» на «вольно».

— Говорят, у вас обокрали кладов-

ку, — осклабился Пиштора с какой-то особенной фамильярностью, — так вот я тут как тут.

— А вам какое дело? — гаркнул полковник.

— Виноват, — сказал, делая масляные глаза, Пиштора, — здесь наш район. Ваша служанка рано утром рассказывала в булочной, что у вас обокрали кладовку, ну, я и сказал господину полицейскому комиссару — я к ним забегу, э?

— Не стоит возиться, — ворчливо отклонил предложенные услуги полковник, — украли только... только банку с макаронами. Плюньте на это дело...

— Странно, — рассуждал Пиштора, — что не хапнули больше.

— Очень странно, — горько сказал полковник, — но вам-то все равно.

— Его, наверное, кто-нибудь спугнул, — просял Пиштора, радуясь неожиданной догадке.

— Ну, прощайте, — отрезал полковник.

— Простите, — возражал Пиштора с недоверчивой усмешкой, — сначала я хотел бы взглянуть на кладовку.

Полковник думал было вспылить, но затем покорился своей судьбе.

— Пойдемте, — мрачно произнес он и повел человека в кладовку.

Пиштора с восторгом оглядывал узенькую кладовку.

— Ну, конечно, — с удовлетворением заметил он, — выворотил окно долотом. Значит, это был Пепек или Андрлик.

— Как? Кто? — резко спросил полковник.

— Это работа Пепека или Андрлика. Но Пепек, кажется, сидит. Если бы просто выдавили стекло, так это мог быть Дундр, Лойза, Новак, Госичка или Климент. Но так — не иначе, как Андрлик.

— Не ошибаетесь ли вы, — буркнул полковник.

— Вы думаете, у нас появился новый домушник? — Пиштора стал вдруг серьезным. — Нет, едва ли. Конечно, Мертль тоже работает фомкой, но он никогда не забирается в кладовые. Он выворачивает окна в клозетах и берет только белье. — Пиштора осклабил беличьи зубы. — Ну, я загляну к Андрлику. Увидим.

— Кланяйтесь ему от меня, — проворчал полковник.

«Поразительно, — размышлял он,

оставшись наедине со своими тяжелыми мыслями, — как эта полиция бездарна. Если бы, по крайней мере, искали отпечатки пальцев или следы ног — ну, хорошо, в этом все же есть какой-то профессиональный метод; но так глупо браться за такое дело!.. Куда полиции заниматься международным шпионажем! Вот что делает Врзал, — это я очень хотел бы знать».

Полковник не устоял перед искушением и позвонил подполковнику Врзалу. После получасового беснования у телефона он, наконец, получил нужный номер.

— Алло, — медом растекался он, — у телефона Гампль. Прости, пожалуйста, ну как там у тебя?.. Я понимаю, что ты ничего не можешь сказать по телефону, но я только... я понимаю, но если бы ты мне мог сказать только одно, нашел ли ты уже... Господи боже, все еще ничего не нашел?! Я понимаю, это трудный случай, но... одну минутку, Врзал, прошу тебя! Это просто так... Мне сейчас пришло в голову, что я мог бы из своих средств, понимаешь, дать десять тысяч тому, кто схватит этого вора. У меня больше нет, но, сам понимаешь, за такую услугу... я знаю, что нет, но я совершенно частным образом... ну, конечно, это будет только моим личным делом, в служебном порядке это невозможно... или можно будет разделить это между теми частными детективами, нет?.. Ну, разумеется, ты об этом как будто и не знаешь, но если бы ты дал им понять, что полковник Гампль обещал десять тысяч... Хорошо, хорошо, пусть это скажет твой фельдфебель. Пожалуйста, дружище!.. Извини, пожалуйста. Благодарю тебя...

Полковнику Гамплю стало несколько легче после этого щедрого решения. У него было такое чувство, что теперь он как бы принимает некоторое участие в погоне за проклятым шпионом-вором. Он прилег на кушетку — можно ведь устать от этих тревожных новостей! — и стал рисовать себе, как сто, двести, триста человек (все были рыжие и скалили беличьи зубы, как Пиштора) осматривают поезда, останавливают автомобили, мчащиеся к границам, подстерегают свои жертвы на перекрестках за углом и неожиданно выскакивают со словами: «Именем закона, следуйте за мной и не поднимайте шума». Потом ему показалось, что он держит экзамен по баллистике

в военной академии, и он тяжело застонал и проснулся весь в поту. Кто-то звонил.

Полковник Гампл вскочил и пытался привести свои мысли в порядок. В дверях показались беличьи зубы Пиштора.

— Это опять я, — произнесли беличьи зубы, — простите, но это оказался, конечно, он.

— Кто? — пытался осмыслить полковник.

— Кто же, кроме Андрлика? — настолько удивился Пиштора, что даже перестал скалить зубы. — Кому же другому? Пепек сидит в тюрьме на Панкраце.

— Да что вы все пристаёте с этим Андрликом? — нетерпеливо огрызнулся полковник.

Пиштора вытаращил свои светлые глаза.

— Но ведь это он украл макароны из кладовки, — с ударением сказал он. — Его уже забрали в полицию. Простите, но я зашел спросить... Андрлик говорит, что в той жестянке будто никаких макарон и не было, что в ней были какие-то бумаги. Так ли это?

— Голубчик, — перехватило дух у полковника, — где эти бумаги?

— У меня в кармане, — оскалил зубы Пиштора, — куда же это я их... — говорил он, шаря по карманам лостринового пиджачка, — ...ага, вот! Это ваши бумаги?

Полковник вырвал у него из рук драгоценный измятый документ № 139/УП, отд. «В». Глаза его заволоклись слезами радости.

— Голубчик, золотой, — еле дыша, пролепетал он, — я бы вам за это не знаю что дал. Жена! — заорал он, — иди сюда! Это господин комиссар... господин инспектор...

— Полицейский агент Пиштора, — представлялся человечек, любезнейшим образом обнажая обе челюсти.

— И он уже нашел украденный документ! — ликовал полковник. — Поди принеси рюмки и коньяк. Господин Пиштора, я бы... вы просто и не представляете себе, как я... То есть, чтобы вы знали... Выпейте-ка, господин Пиштора.

— Да ведь это сущие пустяки, — осклабился Пиштора. — О! Вот это коньяк! Да, а та жестянка, мадам, в полиции.

— К чорту жестянку, — блаженно

ворковал полковник. — Но как вы, дорогой господин Пиштора, так быстро нашли этот документ? Ваше здоровье, господин Пиштора!

— Ваше здоровье, — вежливо отвечал Пиштора. — Боже мой, это же пустяки. Когда обокрадена кладовка, мы отправляемся к Андрлику или Пепеку, но Пепек сейчас отсиживает два месяца на Панкраце. Если обокраден чердак, то у нас есть Писецкий, хромой Тандера, Канера, Зима и Гоуска.

— Скажите пожалуйста! — удивлялся полковник. — Послушайте, ну а как, скажем к примеру, в случае шпионажа? Ваше здоровье, господин Пиштора!

— Благодарю покорно. Шпионажа? Этого у нас не имеется. А вот бронзовые ручки — это Ченек и Пинкус, на медную проволоку теперь у нас только один, какой-то Тоушек, а если речь идет о пивных кранах, так это должен быть Ганоусек, или Бухта, или Шлезингер. Мы идем наверняка. А взломщиков несгораемых касс имеется по всей республике двадцать семь, но шесть из них... ик!.. сидят.

— Так им и надо, — кровожадно заявил полковник. — Выпейте, господин Пиштора.

— Благодарю покорно, — отвечал Пиштора, — я много не пью. Спасибо. На здоровычко! У них, этих... ик!.. этих воров нет никакой интеллигентности. Каждый знает только один трюк и проделывает его до тех пор, пока его не зацапают. Так и Андрлик. «Ага, — сказал он, как только меня завидел, — господин Пиштора, вы из-за той кладовки? Ах, господин Пиштора, не стоило трудиться. Я там подцепил только пустую жестянку с бумагой. Этак легче издохнуть, чем что-нибудь заработать». — «Идем, идем, — говорю я ему, — ты, болван, получишь за это не меньше года!»

— Год тюрьмы? — сочувственно рассуждал полковник Гампл. — Не слышком ли много?

— Да ведь это кража со взломом, — оскалил зубы Пиштора. — Нет, спасибо, больше не надо. У меня есть еще магазинная витрина. Это работа Клечки или Рудля. Если что будет нужно, спросите в полицейском участке. Достаточно сказать — господин Пиштора...

— Простите, господин... гм... за такую услугу... то есть эти бумаги... знаете, несколько особенные... словом,

я очень не хотел бы их потерять. Если бы вы согласились принять за услугу... — быстро закончил полковник и сунул в руку Пишторе бумажку в пятьдесят крон.

Господин Пиштора от неожиданности и благодарности стал серьезным.

— Что вы, этого совсем не нужно,—сказал он, быстро опуская руку с бумажкой в карман.—Этого совсем не

нужно было. Благодарю, благодарю покорно. Если когда-нибудь опять потребуется...

— Я дал ему пятьдесят крон, — благодушно говорил полковник Гампль своей жене.—Такому остолопу достаточно было дать и двадцать, но... — Полковник сделал великодушный жест рукой: — Пусть его, раз этот проклятый документ нашелся.

Покушение на убийство

В тот вечер господин советник Томса только что приладил наушники и с улыбкой умиления слушал радио, игравшее ему «Танцы» Дворжака (Да, вот это музыка! — удовлетворенно говорил он себе), как вдруг на улице прогремели два выстрела, и из окна, над самой его головой, со звоном посыпались стекла. (Господин Томса сидел в нижнем этаже.)

Тогда он сделал то, что, вероятно, сделал бы каждый из нас: сначала подождет, что будет дальше, потом снял наушники и почти строго посмотрел, что же, собственно, произошло, и только после этого испугался, ибо увидел, что прямо у него над головой кто-то прострелил в двух местах окно, у которого он сидел. А вон у косяка двери отщеплен кусочек дерева, и там застряла пуля. Его первым движением было выскочить на улицу и голыми руками схватить негодяя за шиворот. Но когда человек уже в летах и занимает более или менее почтенную должность, то он обычно опаздывает следовать своему первому побуждению и слушается только второго. Поэтому господин Томса подбежал к телефону и позвонил в полицейский участок:

— Алло, пошлите ко мне скорее кого-нибудь; только что на меня было совершено покушение.

— Это где же? — отвечал заспанный, равнодушный голос.

— Да у меня же! — волновался господин Томса, словно во всем виновата была полиция. — Это форменный скандал, так вот, ни с того ни с сего, стрелять в мирного обывателя, который спокойно сидит у себя дома! Вы должны произвести строжайшее рас-

следование! Нечего сказать, хорошие дела творились бы...

— Ладно, — прервал заспанный голос, — я пошлю кого-нибудь.

Господин советник сходил с ума от нетерпения. Ему казалось, что пройдет вечность, прежде чем кто-нибудь доползет сюда. В действительности же не прошло и двадцати минут, как в комнате уже стоял солидный полицейский инспектор и с интересом разглядывал простреленное окно.

— Кто-то стрелял в ваше окно, господин советник, — деловито заметил он.

— Это я и без вас знаю! — вскипел господин Томса. — Я же сидел здесь, у окна!

— Калибр семь миллиметров, — продолжал инспектор, выковыривая ножом пулю из дверного косяка. — Похоже, что из старого армейского револьвера. Стрелявший, наверное, влез на противоположный забор. Если бы он стоял на тротуаре, пуля попала бы значительно выше. Очевидно, он целил в вас, господин советник.

— Спасибо за новость, — язвительно ответил господин Томса, — а я было думал, что он целил только в дверь...

— А кто это был? — спросил инспектор, не теряя спокойствия.

— Извините меня, — свирепел господин советник, — если я не могу сообщить вам его адрес... я его не видел и забыл пригласить к себе...

— Тогда будет трудно... — спокойно продолжал инспектор. — А кого вы подозреваете?

Терпение господина Томсы готово было лопнуть.

— Какое там подозрение! — раздра-

жестко набросился он на инспектора. — Вещь я же не видал этого мерзавца. Да если бы он и был так добр, чтобы подождать, пока я пошло ему воздушный поцелуй через окно, то и тогда я не узнал бы его в такой темноте. Если бы я знал, кто это, я не стал бы затруднять вас, господин инспектор, как вы думаете?

— Ну, да, — успокоительно ответил инспектор, — но вы, может быть, припомните кого-нибудь, кому, скажем, выгодна ваша смерть, или кто хотел бы отомстить вам... Видите ли, тут нельзя подозревать попытки ограбления. Грабитель, знаете ли, не стреляет, пока в этом нет прямой необходимости. Может быть, кто-нибудь бешено зол на вас... Это уж вы сами должны сказать нам, а мы тогда последуем...

Господин Томса был поражен. С такой точки зрения он не догадался взглянуть на происшествие.

— Понятия не имею, — неуверенно ответил он, мысленно окидывая взглядом свою мирную жизнь старого чиновника-холостяка. — Кто бы мог быть так зол на меня? — удивлялся он. — Честное слово, не думаю, чтобы у меня был хоть один враг! Нет, это исключено, — решительно мотнул он головой, — у меня ни с кем нет никаких счетов. Я живу сам по себе, никуда не хожу, ни во что не вмешиваюсь... За что мне мстить?

Инспектор пожал плечами:

— Не знаю, господин советник. Может быть, вы до завтра вспомните. Вы не будете бояться здесь?..

— Нет, — задумчиво ответил господин Томса.

— Как странно! — с болью в сердце рассуждал он, оставшись один. — Откуда, да, вот именно, — откуда у человека могла явиться мысль застрелить меня? Ведь я почти отшельник. Отсиджу свои служебные часы в канцелярии и иду домой; ведь я, собственно, ни с кем никаких дел не имею! За что же кто-то хочет меня застрелить? — Он с горечью удивлялся такой несправедливости. Постепенно ему становилось жалко самого себя. — Работаете, как лошадь, берете дела даже на дом, не транжиришь, ничего себе не позволяешь, живешь, как улитка в раковине, и вдруг — бац! Кто-то появляется и подстреливает тебя. Боже, какая страшная злоба живет в людях! — ужаснулся потря-

сенный советник. — Кому я что сделал? За что меня кто-то так страшно, так бешено ненавидит?

Вероятно, тут какое-то недоразумение, — успокаивал он себя, сидя на кровати со снятым башмаком в руках. — Ну, понятно, это просто ошибка! Стрелявший принял меня за другого человека, против которого он имеет зуб. Да, это так, — с облегчением сказал себе господин Томса, — но все же, за что, да, вот именно, — за что кто-нибудь мог бы так ненавидеть меня?

Башмак выпал из рук господина советника. — Конечно, — вспомнил он вдруг с некоторой растерянностью, — я тогда допустил огромную глупость, но в тот момент я как-то не сообразил; разговаривал по-приятельски с Роубалом, и вдруг у меня с языка сорвался этот намек насчет его жены. Вещь свет знает, что эта баба изменяет ему направо и налево. Он и сам знает, только не подает вида. А я, осел этаким, взял да и брякнул!.. — Советник вспомнил, как Роубал только молча проглотил слону и впился ногтями в свои ладони. — Господи, — с ужасом признавался себе Томса, — ведь это было для него словно нож в сердце! Он любит эту бабу до безумия! Понятно, я пытался сейчас же загладить свой промах, но как он кусал губы! Ему есть за что ненавидеть меня, — сокрушенно думал господин советник. — Я знаю, не он в меня стрелял, это, конечно, немисливо, но я не удивился бы...

Пораженный господин Томса уставился глазами в коврик. — Или же тот портной, — вспоминал он с неприятным чувством. — Пятнадцать лет я шил у него, и вдруг мне сказали, что он в последней стадии чахотки. Разумеется, боишься носить костюмы, в которые накашлял чахоточный. Я и перестал шить у него... И вот он пришел просить... у него куска хлеба нет, жена болеет, детей надо бы послать в деревню... чтобы я его снова почтил своими заказами и доверием. Господи боже, как он был бледен и как болезненно потел! «К сожалению, господин Колинский, — сказал я ему, — ничего не выйдет. Мне нужен хороший портной. А вами я не был доволен...» — «Я приложу все старания, господин советник», — заикался портной, потея от страха и растерянности и чуть не плача. — А я, — припоминал госпо-

дин советник, — я его отпустил с тем неопределенным «увидим», которое хорошо знакомо этим беднякам. Да, он тоже мог бы ненавидеть меня, — испугался господин советник. — Какой ужас! Человек приходит просить о спасении жизни, а его прогоняют, и так равнодушно! А что мне было делать? Я знаю, что он не стрелял, но все же...

На душе у советника становилось все тяжелее. — Так неловко вышло, — вспоминал он, — когда я недавно изругал нашего регистратора. Не мог я найти одно дело, да и только. Ну, позвал я этого старика и кричал на него, как на мальчишку, в присутствии всех! «Что это за порядки, вы — идиот, у вас настоящий свинюшник, вас следует вышвырнуть вон!..» А потом я нашел это дело в собственном столе! А старикашка даже не пикнул в ответ, только трясся и моргал глазами. — Советника обдало мучительным жаром стыда. — Нельзя же извиняться перед подчиненным, — неуверенно попробовал он успокоить себя, — если даже ты его и обидел немного. Но как подчиненные должны ненавидеть своих начальников! Вот что, я подарю старику какой-нибудь старый костюм... Но это, собственно, тоже будет унижением для него...

Господин советник не мог больше лежать. Одеяло душило его. Он сидел на постели и глядел в темноту. — Или тот случай с молодым Моравеком у нас в департаменте, — со стыдом вспоминал он. — Ведь он образованный человек и пишет стихи. Когда он плохо составил отношение, я сказал ему: «Переделайте, коллега», — и хотел бросить отношение ему на стол; но оно упало ему под ноги, а он нагнулся за ним, красный, как рак, с горящими ушами... Я готов был надавать себе пощечин, — ворчал советник, — ведь мне этот молодой человек даже нравится, и так его унижить, хотя бы и невольно!..

В памяти господина советника всплыло и другое лицо: бледная и одутловатая физиономия его коллеги Ванкля. — Бедняга Ванкль! Он рассчитывал на производство в начальники отделения раньше меня. Получал бы тог-

да несколько сотен в год лишних. У него шестеро детей. Говорят, старшая дочь хотела учиться пению, да не на что. А я обскакал его, потому что он такой неповоротливый, настоящая ломовая лошадь... Жена у него свирепая, ужасно худая и злющая от вечной нищеты; в обеденный перерыв Ванкль жует всегда сухой хлеб... Господин советник тоскливо задумался. — Бедняга Ванкль! Каково ему, когда он подумает, что я одинокий, а получаю больше, чем он! Но разве я виноват? Мне всегда прямо жутко, когда он смотрит на меня так мрачно, с упреком...

Господин советник тер себе лоб, на котором выступил холодный пот. — А вот еще, — думал он, — официант обсчитал меня тогда на несколько крон. Я позвал хозяина, который тут же выгнал официанта. «Вы вор, — орал он на него, — можете быть уверены, я позабочусь, чтобы никто в Праге не брал вас на работу!» Официант не сказал ни слова и пошел... как торчали его худые лопатки на сгорбленной спине под затрепанным фракком...

Господин советник не выдержал и вскочил с кровати. Он подсел к радио и надел наушники. Но радио было немое. Была немая ночь, немые часы... Советник положил голову на руки и вспоминал все новых и новых людей, с которыми он сталкивался, непонятных, маленьких людей, с которыми у него никогда не было общего языка и о которых он никогда не задумывался.

Рано утром он зашел в полицейский участок. Он был немного бледен и расстроен.

— Ну, как, — спросил его инспектор, — вспомнили кого-нибудь, кто мог бы ненавидеть вас?

Советник покачал головой.

— Не знаю, — неуверенно ответил он, — вернее, таких, которые могли бы ненавидеть меня, столько, что... — и он беспомощно махнул рукой. — Знаете, человек даже и не подозревает, как много тех, кому он причинил обиду... Я у того окна больше сидеть не буду. А вас я прошу оставить это дело без последствий...

Г а д а л к а

Каждый знаток дела поймет, что такой случай не мог произойти ни у нас, ни во Франции, ни в Германии, потому что в этих странах, как известно, судьи обязаны судить и наказывать грешников по букве закона, а никак не на основании здравого смысла и велений совести. Из того обстоятельства, что в этом рассказе выступает судья, который выносит свой приговор, не считаясь со статьями закона, а основываясь исключительно на здравом смысле, вытекает, что данный случай не мог произойти нигде, кроме Англии. А именно, он произошел в Лондоне, точнее в Кенсингтоне; хотя, подождите, — это случилось в Бромптонне или в Бейсуотере, ну, словом, где-то там. Судью звали мистер джэстис¹ Келли, а женщину попросту Майерс. Миссис Эдит Майерс.

Надо вам знать, что эта в остальных отношениях вполне достойная дама обратила на себя внимание полицейского комиссара Мак-Лири. Однажды вечером Мак-Лири сказал своей жене: — Понимаешь, дорогая, эта миссис Майерс не выходит у меня из головы. Я хотел бы знать, на какие средства живет эта женщина. Представь себе, она теперь, в феврале, посылает свою служанку за спаржей! Кроме того, я установил, что она ежедневно принимает от двенадцати до двадцати разных посетительниц, начиная от мелочной торговки и кончая герцогиней. Я знаю, дорогая, ты скажешь, что это, вероятно, гадалка. Прекрасно, но гадание может оказаться только маскировкой и прикрывать нечто совсем иное, скажем, — сводничество или шпионаж. Я очень хотел бы заглянуть в это дело поглубже.

— Хорошо, Боб, — сказала миссис Мак-Лири, — положись на меня.

И вот так-то и случилось, что на следующий день миссис Мак-Лири, понятно без обручального кольца, но зато весьма молодо одетая и расфранченная, как девушка, которая приближается к возрасту, когда пора взяться за ум, с испуганной мордочкой позвонила у дверей миссис Майерс в Бей-

суотере или в Мерилибоне. Ей пришлось немного подождать, пока миссис Майерс удостоила ее приемом.

— Присаживайтесь, милое дитя, — сказала старая дама, пристально разглядывая застенчивую посетительницу, — что вам угодно от меня?

— Я, — заикалась миссис Мак-Лири, — я... я бы хотела... мне завтра исполняется двадцать лет... мне страшно хочется знать свое будущее.

— Ах, что вы, мисс... э? Как, простите...? — сказала миссис Майерс и взялась за колоду карт, которую начала энергично тасовать.

— Мисс Джонс, — пролепетала миссис Мак-Лири.

— Вы ошибаетесь, дорогая мисс Джонс, — продолжала миссис Майерс, — это недоразумение; я не занимаюсь гаданием на картах. Разве только время от времени, по дружбе, как всякая старая женщина. Снимите карты левою рукой и сделайте пять кучек. Так. Иногда, лишь для забавы, раскину карты, но вообще... Глядите-ка, — воскликнула она, переворачивая первую кучку. — Трефи! это значит — деньги. И червонный валет. Это — приятное письмо.

— Ах! — произнесла миссис Мак-Лири, — а дальше что?

— Трефовый валет, — продолжала миссис Майерс, раскрывая другую кучку. — Пиковая десятка — это дорога. А здесь, — воскликнула она, — я вижу бубны. Бубны — всегда неприятности, но в конце червонная дама.

— Что это значит? — спросила миссис Мак-Лири, стараясь выпучить глаза как можно больше.

— Опять трефи, — размышляла миссис Майерс над третьей кучкой. — Милое дитя, вас ждут большие деньги; я еще не знаю, вы или кто-нибудь из ваших близких отправитесь в дальнюю дорогу.

— Я должна поехать в Соутгемптон к тете, — подсказала миссис Мак-Лири.

— Это более дальняя дорога, — ответила миссис Майерс, переворачивая четвертую кучку. — Кто-то будет препятствовать вам, какой-то старик...

— Должно быть, папенька! — воскликнула миссис Мак-Лири.

— Так вот оно что, — торжественно произнесла миссис Майерс, рассмат-

¹ Джэстис — по-английски «правосудие»; одновременно это слово служит титулом всякого судьи, пользующегося правом несменяемости.

ривая пятую кучку. — Милая мисс Джонс, таких великолепных карт, как у вас, я еще никогда не видала! Не пройдет и года, как вы справите свадьбу. На вас женится очень, очень богатый молодой мужчина, что-то вроде миллионера или коммивояжера, потому что он очень много путешествует. Но прежде чем соединиться, вам придется преодолеть большие препятствия. Какой-то старый мужчина будет вам мешать, но вы должны быть твердой. А после замужества вы переселитесь далеко отсюда, скорее всего за море... Может быть, вы пожертвуете одну гинею в пользу христианских миссионеров, просвещающих несчастных чернокожих?

— Я вам так благодарна, — говорила миссис Мак-Лири, вынимая из сумочки один фунт стерлингов и один шиллинг, — так страшно благодарна! Пожалуйста, миссис Майерс, а сколько стоит без этих препятствий?

— Карты нельзя подкупить, — с достоинством произнесла старая дама. — Чем занимается ваш папаша?

— Он служит в полиции, — лгала с невинным видом молодая миссис Мак-Лири. — В секретном отделении.

— Ага, — воскликнула старая дама и вытянула из колоды три карты. — Ах, как это неприятно, как неприятно! Скажите ему, милое дитя, что ему грозит большая опасность. — Ему следовало бы зайти ко мне, если он хочет знать больше. Ко мне много ходят таких, из Скотланд-ярда, погадать на картах. Приходят и выкладывают все, что у них на сердце... Так, так! Пошли-те-ка его ко мне. Вы говорите, что он в политическом отделении? Мистер Джонс? Передайте ему, что я его жду. Прощайте, милая мисс Джонс. Следующий!

— Это мне не нравится, — сказал Мак-Лири, задумчиво поскребывая затылок, — это мне не нравится, Кэти. Эта женщина проявила слишком большой интерес к твоему покойному папаше. А кроме того, ее фамилия не Майерс, а Майергофер, и она родом из Любека. Проклятая немка! — ворчал Мак-Лири. — Как бы нам поддеть ее на удочку? Ставлю пять против одного, что она выведывает у людей вещи, до которых ей нет никакого дела. Знаешь, я доложу об этом по начальству.

И он действительно доложил об этом по начальству. Вопреки обыкновению, начальство не отнеслось к делу легкомысленно, и в результате уважаемая миссис Майерс предстала перед судьей Келли.

— Итак, миссис Майерс, — начал судья, — что это у вас за гадание на картах?

— Ах, боже мой, сэр, — воскликнула старая дама, — нужно же человеку чем-нибудь кормиться. Не пойду же я в моем возрасте танцевать в варьете.

— Гм, — произнес судья Келли, — но здесь имеется жалоба на то, что вы плохо гадаете. Милая миссис Майерс, это все равно, как если бы вы вместо шоколадных плиток продавали глиняные. За одну гинею люди имеют право требовать надежного предсказания. Простите, но как вы можете давать такие предсказания, если не умеете гадать?

— Далеко не все жалуются на мои предсказания, — защищалась старая дама. — Видите ли, я обещаю то, чего им хочется. И право же, полученное ими удовольствие стоит нескольких жалких шиллингов. А иногда и вправду угадаешь что-нибудь. «Миссис Майерс, — сказала мне недавно одна дама, — еще никто не гадал мне так хорошо и не давал таких добрых советов, как вы». Эта дама живет в Сент-Джонс Вуде и разводится со своим мужем.

— Погодите, — остановил ее судья, — на суд явилась одна свидетельница против вас. Миссис Мак-Лири, расскажите, как было дело.

— Миссис Майерс гадала мне на картах, — бойко начала миссис Мак-Лири, — и сказала, что и года не пройдет, как я буду справлять свадьбу; что на мне женится очень богатый молодой мужчина, и я переселюсь с ним за море...

— Почему же непременно за море? — поинтересовался судья.

— Потому что во второй кучке была десятка пик. Это значит «дальняя дорога», — так объяснила миссис Майерс.

— Чепуха, — проворчал судья, — «дальняя дорога» — это пиковый валет. Когда при нем трефовая семерка, то это дальняя дорога, которая принесет прибыль. Мне, миссис Майерс, вы очки не вотрете. Вы предсказывали свидетельнице, что она до истечения года выйдет замуж за богатого моло-

того человека, но миссис Мак-Лири уже три года замужем за образцовым полицейским комиссаром Мак-Лири. Как вы объясните эту бессмыслицу, миссис Майерс?

— Ах, боже мой, — спокойно отвечала старая дама, — случается! Эта особочка пришла ко мне в легкомысленном костюме, и левая перчатка у нее была разорванная. Значит, лишних денег нет, а пускать пыль в глаза хочется. Она сказала, что ей двадцать лет, а на самом деле ей двадцать пять...

— Двадцать четыре, — вырвалось у миссис Мак-Лири.

— Это все равно. Ясно, что она охотно вышла бы замуж, то есть поскольку она выдавала себя за девицу. Поэтому я ей и нагадала свадьбу и богатого жениха. Мне казалось, что это будет ей приятнее всего.

— А при чем здесь препятствия, старый мужчина и дорога за море? — спрашивала миссис Мак-Лири.

— Это для того, чтобы сказать побольше, — просто отвечала миссис Майерс. — Чтобы заработать гинеею, приходится наговорить с три короба.

— Все ясно, — сказал судья, — миссис Майерс, вам ничто не поможет. Так гадать на картах — мошенничество. В картах нужно понимать. Существуют, правда, разные теории, но никогда, запомните это, никогда десятка пик не может означать дальней дороги. Вы уплатите пятьдесят фунтов стерлингов штрафа, подобно виновным в подделке продуктов или продаже негодных товаров. Вас подозревают, миссис Майерс, еще в том, что вы зани-

маетесь шпионажем, но я думаю, вы в этом не признаетесь?

— Клянусь господом богом... — воскликнула миссис Майерс, но судья Келли прервал ее: — Ну, ну, оставим это в стороне. Но так как вы иностранка без определенных занятий, то административные власти воспользуются своим правом и вышлют вас за пределы страны. Прощайте, миссис Майерс, благодарю вас, миссис Мак-Лири. И я вам говорю, так гадать на картах — это циничный и бессовестный поступок. Запомните это, миссис Майерс.

— Что поделаешь, — вздохнула старая дама, — и надо же было как раз тогда, когда дело пошло в гору...

Приблизительно через год судья Келли встретил комиссара Мак-Лири.

— Отличная погода, — приветливо сказал судья. — Между прочим, как поживает миссис Мак-Лири?

Комиссар Мак-Лири весьма кисло взглянул на судью.

— То есть... Видите ли, мистер Келли... — смущенно выдавливал он из себя, — ...она, то есть миссис Мак-Лири... мы с ней развелись.

— Что вы говорите! — удивился судья. — Такая хорошенькая, молодая женщина!

— Вот в том-то и дело, — буркнул Мак-Лири. — Он вдруг втрескался в нее... один молодой повеса... миллионер или торговец из Мельбурна... я пытался не допустить до этого, но... — Мак-Лири с безнадежным видом махнул рукой. — Неделю тому назад они уехали в Австралию.

П о в е с т ь об утраченной ноге

— Трудно поверить, — начал господин Тымих, — чего только не приходится иногда вытерпеть человеку. Погодите, это случилось в мировую войну, когда я служил в тридцать пятом полку; был у нас там один солдатик, — как, бишь, его звали, не то Дында, не то Отагал или Петерка? Во всяком случае мы все называли его Пепек; так вообще, славный мальчик, но какой-то жалкий, посмотришь на него — и

плакать хочется. Ну-с, пока нас гоняли для обучения по плацу, он делал все, что мог, и был терпелив, как баран. Когда нас привезли на фронт, — это было где-то за Краковом, — то выбрали для нас на редкость неподходящие позиции, по которым великолепно пристрелялась русская артиллерия. Пепек — ничего. Только глазами хлопал; но когда он увидел лошадь с распоротым брюхом, которая еще хрипела и

пыталась встать, тут наш Пепек побледнел, хватил фуражкой об землю, кощунственно оскорбил его величество, положил на землю винтовку и ранец и, не говоря худого слова, пошел домой.

Как он прошел пятьсот или сколько там километров до дому, я даже представить себе не могу! Но так или иначе, в одну прекрасную ночь он постучался в окошко своей хаты и говорит жене: — Мамочка, это я, я туда больше не пойду, а если меня найдут здесь, так мне конец: я дезертир. — Они поплакали вместе, а потом жена и говорит: — Я не дам тебя забрать, я тебя спрячу в навозную жижу, там тебя никто искать не будет. — И она усадила его по самую шею в навозную жижу, а сверху прикрыла досками, и Пепек просидел в этой яме пять месяцев. Ни один мученик за веру не выдержал бы ничего подобного! Потом его выдала соседка, из-за какой-то курицы. Пришли жандармы вытаскивать его оттуда. Знаете, они должны были прикупить десять метров веревки, чтобы не задохнуться, пока вели его, связанного, в город.

Когда вонь из Пепека несколько выветрилась, он предстал перед военным судом. Судей тогда был некий Диллингер. Одни считали его собакой, другие — джентльменом. Но как он умел ругаться! Надо отдать справедливость, в старой Австрии умели ругаться! В этом сказывались древние традиции. Теперь никто не умеет как следует, по-хорошему, обругать человека, теперь умеют только оскорблять. Так вот, этот Диллингер велел поставить Пепека на дворе и судил его из окна, потому что подпустить его ближе он не хотел. Сами понимаете, дело обстояло плохо: дезертир в военное время — расстрел, и сам господь-бог тебе не поможет. А Диллингер ни с кем долго не церемонился. Пожалуй, он был все-таки собака. И вот, пора бы уже объявить приговор, но Диллингер из любопытства еще закричал в окно:

— А что, Пепек, когда ты сидел в этой яме, не случалось тебе вылезать, чтобы поспать со своей старухой?

Пепек начал смущенно переминыться с ноги на ногу и, наконец, красный, как рак, отрапортовал:

— Так точно, ваше высокоблагородие, иногда бывало, без этого нельзя. Тут Диллингер захлопнул окно, про-

бормотав: — Тыфу ты, дьявол! — Потом покачал головой и забегал по комнате. Немного успокоившись, он принял решение: «Пусть мне дадут отставку, но я этого парня не пошлю на смерть; хотя бы ради этой женщины. Фу, черт! Вот так супружеская любовь!» И он устроил как-то так, что Пепек получил всего три года крепости.

В крепости Пепеку дали работу в огороде у коменданта, полковника Бабки. Бабка потом рассказывал, что никогда в жизни у него в огороде не бывало таких прекрасных овощей, как в те годы, когда за ними ухаживал Пепек.

— Чорт его знает, — говаривал Бабка, — с чего это у Пепека все так замечательно растет!

— Во время войны, — вмешался господин Краль, — бывали всевозможные замечательные случаи. Если записать все, что люди проделывали, чтобы не воевать за Австрию, то набралось бы фолиантов больше, чем в «Деяниях святых», издаваемых отцами-доминиканцами. Есть у меня племянник. У него пекарня в Радлицах. Зовут его Лойзик. Когда его во время войны мобилизовали, он мне заявил: — Дядя, я вам говорю, на фронт они меня не заманят... я скорей отрублю себе ногу, чем стану помогать австрийским крысам.

Лойзик был ловкий парень. Пока новобранцы упражнялись в ружейных приемах, он прямо из кожи лез вон от усердия, так что начальство уже видело в нем будущего героя, а то даже и капрала. Но когда Лойзик пронюхал, что через несколько дней их повезут на фронт, он устроил себе температуру, стал хвататься за правую половину живота и жалобно стонать. Так его отвезли в лазарет и выпотрошили ему слепую кишку. Ну, и Лойзик уж постарался, чтобы рана долго не заживала. Но через каких-нибудь шесть недель рана все же закрылась, несмотря ни на что; а войне все еще не видно было конца. Как раз в это время я его посетил в лазарете.

— Дядюшка, — говорит мне Лойзик, — теперь мне не поможет сам господин фельдфебель; я с минуты на минуту жду, что меня выпишут прямо на фронт.

Старшим штабным врачом был у нас

тогда знаменитый Обергубер. Впоследствии выяснилось, что он был неизлечимый сумасшедший, но, сами знаете, — война — это война; и если дать шитый золотом воротник дикой свинье, то и она будет командиром. Само собой понятно, что перед этим Обергубером все дрожали. Он только и делал, что бегал по лазаретам и орал на каждого: «Марш на фронт!» — все равно, даже если у вас была скоротечная чахотка или паралич спинного мозга. И никто не смел ему возражать. Обергубер и не смотрел, что написано на табличке над кроватью, и еще издали орал: «Годен для фронтовой службы, марш на этап!» И тогда никакие святыне не могли уже помочь.

И вот однажды Обергубер пришел проверять лазарет, в котором ожидал решения своей судьбы Лойзик. Как только послышался рев и шум внизу, еще у ворот, все больные, кроме покойников, должны были вытянуться во фронт около своих постелей, для того чтобы встретить высокое начальство как полагается. Ожидание несколько затянулось, а потому Лойзик, для большего удобства, подогнул ногу и оперся коленом о кровать, продолжая стоять как полагается, но только на одной ноге. В этот момент в палату влетел Обергубер, фиолетовый от бешенства, и заорал еще в дверях: — Марш на фронт! Этот там, — марш! Годен! — И тут вдруг увидел Лойзика, стоящего на одной ноге, и еще больше побагровел. — Одноногий! — заорал он. — Сейчас же прогнать домой! Черти! — орал он. — Зачем вы держите здесь одноногого болвана? Здесь не хлев для искалеченных свиней! Вон отсюда! Мерзавцы, я вас за это всех пошлю на фронт! — Лазаретное начальство, посиневшее от страха, бормотало что-то вроде: «Моментально будет исполнено», — но Обергубер уже орал около следующей постели на оперированного вчера солдата и требовал, чтобы того сию же минуту отправили на фронт.

И вот Лойзик был отпущен домой, с бумажкой за собственноручной подписью Обергубера, как одноногий инвалид. Лойзик был очень разумный парень. Он сейчас же подал прошение, чтобы его как инвалида вычеркнули из списков военнообязанных, назначили ему пенсию по инвалидности, потому что он как пекарь нуждается в двух ногах, а следовательно, не может зани-

маться своим ремеслом с одной единственной, как официально установлено органами власти, ногой. С соответствующим запозданием ему прислали постановление, гласящее, что у него признана сорокапятипроцентная инвалидность, в силу чего ему причитается столько-то крон инвалидной пенсии в месяц. Ну вот, с этого, собственно, и начинается история об утраченной ноге.

Лойзик получал инвалидную пенсию, помогал своему папаше в пекарне, а потом даже женился. Иногда он, однако, замечал, что на ту ногу, которой не признал за ним Обергубер, он несколько припадает, пожалуй даже прихрамывает. Но он и этим был доволен, потому что выглядело так, как будто у него протез. Потом пришел конец войне и была провозглашена республика, но Лойзик, как человек добросовестный и любящий порядок, продолжал получать инвалидную пенсию и дальше.

Однажды приходит он ко мне, и я сразу вижу, что он чем-то озабочен.

— Дяденька, — выпалил он через минуту, — мне кажется, что эта нога у меня как-то укорачивается и усыхает, — и тут же засучивает штанину и показывает ногу: она была тоненькая, как палочка. — Я боюсь, дяденька, — говорит Лойзик, — что потеряю эту ногу.

— Ну, так сходи к доктору, дубина стоеросовая, — советую я ему.

— Дяденька, — вздохнул Лойзик, — я думаю, что это не от болезни; я думаю, это потому, что я не имею права на эту ногу. Сказано ведь черным по белому, что у меня правая нога отрезана по колено. Вы не думаете, что именно поэтому она и сохнет?

Через некоторое время он приходит снова и уже опирается на палку.

— Дяденька, — говорит он с ужасом, — я и в самом деле калека. Я на этой ноге уже совсем не могу стоять. Доктор говорит, что у меня атрофия мускулов, вероятнее всего, — на нервной почве. Он посылает меня на курорт, но мне кажется, что он и сам не верит в выздоровление. Пощупайте, дяденька, какая холодная, как будто мертвая. Доктор говорит, что это от плохого кровообращения... Вы не думаете, что нога у меня отгниет?

— Послушай, Лойзик, — сказал я ему, — я тебе дам один совет: заяви о наличии этой ноги в надлежащем

официальном порядке и подай прошение, чтобы в твоей карточке зачеркнули, что ты одноногий. Я думаю, что нога тогда выздоровеет.

— Что вы, дяденька, — возражал Лойзик, — они тогда скажут, что я незаконно получал инвалидную пенсию и присвоил себе кучу казенных денег. Чего доброго, я еще должен буду вернуть им эти деньги!

— Ну так целуйся со своими деньгами, скупердяй булочный, — выругал я его, — и лишайся своей ноги, а ко мне больше хныкать не приходи.

Через неделю он прибежал опять.

— Дяденька, — закричал он еще в дверях, — ни одно ведомство не хочет принять на учет мою ногу. Они говорят, что она все равно усохла и никуда не годится. Что теперь делать?

Вы не поверите, сколько пришлось Лойзику бегать, прежде чем было официально признано, что у него две ноги. Само собою разумеется, что

вслед за этим началась новая волокита по поводу того, что он причинил ущерб казне, получая инвалидную пенсию. Его даже собирались привлечь к ответственности за уклонение от воинской повинности. Бедняга Лойзик носился из учреждения в учреждение, но нога у него начала крепнуть. Может быть, она стала крепнуть оттого, что ему пришлось столько бегать, но я склонен думать, что это случилось скорее потому, что ее существование было установлено в надлежащем официальном порядке. Что ни говори, а такое постановление обладает огромной силой. Или, может быть, наоборот: нога сохла у него потому, что он владел ею незаконно. Она была у него вопреки установленному порядку, а это всегда отражается на человеке. Я вам скажу: чистая совесть — вот наилучшая гигиена. Если бы люди были честны, то возможно, что они вовсе и не умирали бы.